

Часть 1

Год Божий 1515

Рим — Нарни — Аппенинские горы —
Адриатическое море — дельта реки По — Адрия —
Местре — Венеция — Римини

ГЛАВА 1

Эта часть города носила гордое название Сант-Анджело. Раз в неделю сюда приезжала телега, на которой вывозили мусор. Местные немного грубовато называли ее дерьмовозкой. Приезжала она всегда по понедельникам.

Вот уже пять дней лило как из ведра, и телега чуть не завязла в узком переулке Вико-делла-Пескерия. Колеса цеплялись за стены, оставляя царапины, а шесть каторжан, прикованных к телеге цепями, по щиколотку проваливались в грязь, постанывая от напряжения, когда колеса приходилось высвобождать из липкой жижи. Их штопаные штаны из плохонькой шерсти пропитались этой жижой насквозь.

Перед телегой шло еще два каторжанина, чья задача состояла в том, чтобы забирать стоящие у дверей домов ведра, наполненные мусором, отбросами и экскрементами, и опорожнять

их в огромную бочку, стоявшую на телеге. За каторжанами присматривало четверо солдат, двое шло перед телегой, еще двое — сзади.

Поскольку повозка перегородила переулок, за телегой собралась пестрая толпа приезжих — в священном городе их было больше, чем местных. За солдатами стояло двое немецких книжечеев с тяжелыми манускриптами в руках; три монахини смиренно опустили головы, так что края их островерхих шапок изогнулись; темноватым отливала кожа сарацина, желто-коричневая, точно жареный орех; по предписанной законом желтой шапке можно было признать в богатом купце еврея; щурились два испанских солдата в форменных штанах — одна штанина красная, вторая желтая. Испанцев явно донимала головная боль после вчерашней попойки, а ведь нужно еще было успеть в свою часть, чтобы их не сочли дезертирами. Немного выделялся в толпе индус, тащивший в поводу верблюда, — наверное, собирался сдать его в цирк на другом берегу Тибра. Тюрбан на голове индуса покачивался, верблюд надсадно орал.

И у всех на лицах читалось одно и то же выражение омерзения: теперь, когда толпа двинулась вперед, в сторону площади Сант-Анджело, к вони от телеги добавился гниlostный запах рыбьего рынка — отходы, выброшенные на землю, пролежали на улице уже шесть дней.

Когда все наконец добрались до площади, то обогнали телегу и смешались с толпой перед церковью Сант-Анджело-ин-Пескерия.

Купец — его звали Шимон Барух — ускорил шаг, опасливо оглядываясь. Только что ему удалось заключить необычайно удачную сделку: на соседнем рынке он продал большую партию канатов, которую только привезли на корабле в речной порт, и вместо обычных при таких сделках векселей получил всю сумму в золотых монетах. Сутулясь, Шимон обеими руками прижимал к себе накидку, волнуясь, что на улицах Рима воры могут украсть у него кошель. В глаза ему бросился вельможа из какой-то экзотической страны. Удивительно длинные усы вель-

можи были диковинным образом закручены. Рядом с ним шло двое огромных темнокожих мужчин с роскошными саблями на поясе. Рукояти из слоновой кости белесо поблескивали. Заметил Шимон и уличных шутов, македонцев или албанцев, кожа у них отливала оливковым. Перед домами на плетеных стульях восседали старики, развлекаясь игрой в кости. Три нищенки шныряли у лотков рыботорговцев. На лотках стояли плетеные корзины со скумбрией из Фьюмичино и окунями из озера Браччано. Женщины рылись в отбросах на земле, надеясь отыскать рыбью голову или хвост, чтобы сварить уху с травами — больше им поживиться было нечем. Двум из них было за сорок, плотно сжатые губы не могли скрыть того, что они уже лишились большей части зубов. А вот третья женщина была молодой, совсем еще девчушкой. Волосы у нее были каштановыми, с рыжеватым отливом, а кожа, если смыть с нее толстый слой грязи, наверняка оказалась бы алебастрово-белой. При виде этой девушки Шимон вспомнил Книгу пророка Даниила, в которой описывалась история о Сусанне и старцах.

— Пошли прочь, дрянные девки, а то и вас в бочку бросим! — рявкнул один из каторжан, с лопатой в руке направляясь к отбросам.

Расхотавшись, солдаты кивнули женщинам, чтобы те убрались с дороги.

Опустив голову, Шимон поспешил к театру Марцелла. Там он будет в безопасности.

Барух оглянулся — ему хотелось еще раз посмотреть на эту милую девушку с медными волосами. Он заметил, как она покосилась на мальчика в лохмотьях, сидевшего рядом с руинами портика Октавии. Кожа ребенка пожелтела, глаза запали, а длинные грязные волосы липли к голове. Мальчуган бросал камешки в козу, мирно щипавшую крапиву и постенницу. На мгновение Шимону показалось, что он уже видел этого мальчика, может, даже этим утром на рынке. Глядя на него, Барух еще сильнее ссутулился, словно предчувствуя недоброе. Перехватив его взгляд, мальчик закричал:

— Ваша шапка из такой хорошей ткани, господин! Да умножится ваше богатство!

Поспешно отвернувшись, Шимон увидел, что к нему с протянутой рукой бежит громила, который до того стоял у стены на противоположной стороне площади. Парень казался настоящим великаном, вот только ноги у него были короткими, хоть и сильными, потому двигался он немного неуклюже. Густые русые волосы падали на низкий лоб, закутанное в лохмотья тело качалось их стороны в сторону. Руки громилы, как и ноги, были непропорционально короткими, потому он походил на гнома-переростка.

Шимон сразу понял, что парень юродивый. Подбежав к купцу, великан испуганно распахнул глаза, словно боясь, что его сейчас изобьют, и принялся шепелявить:

— Подайте монеток, гошпозин! Пару монетошек, от шиштого шерша, гошпозин!

— Пошел вон! — рявкнул на него купец, отмахиваясь, точно от назойливой мухи.

Верзила испуганно поднес ладони к лицу, точно защищаясь, но с места не двигался и все повторял:

— Одну монетошку, от шиштого шерша, гошпозин! Только одну монетошку!

И прямо перед входом в церковь Сант-Анджело он схватил Шимона за руку.

Купец вздрогнул, отшатываясь.

— Убери от меня свои грязные лапы! — прорычал Барух, стараясь скрыть сдавивший горло страх.

В то же мгновение из-за угла церкви выбежал юноша лет шестнадцати, смуглый, с черными как смоль волосами, в желтой шапочке, съехавшей на лоб. Юноша чуть не сбил купца с ног и схватился за его плечо, чтобы не упасть.

— Простите, господин, — сконфуженно протянул он и, заметив желтую шапочку на голове собеседника, почтительно поклонился и добавил: — Шалом алейхем.

— Алейхем шалом, — сообразно традиции ответил Шимон. Он радовался тому, что встретил брата по вере, но в то же время тревожился, ведь ему так и не удалось высвободиться из хватки юродивого.

— Нет, я его первый увидел! — возмутился верзила. — Гош-подин шобиралшя дать мне монетошку! — Не отпуская руки купца, он оттолкнул паренька в желтой шапочке. — Пошел прошь!

— Да оставь ты меня в покое, дурень полоумный! — завопил Барух, в его голосе уже слышалась паника.

— Отпусти его! — Юноша бросился собрату на помощь. Но громила с такой силой ударил его в живот, что парень сложился пополам от боли. Однако юноша не сдавался. Подавшись вперед, он ударил противника по лицу.

Великан зарычал, отпустил Шимона и в ярости напустился на паренька. Подняв юношу над землей, громила швырнул им в купца, так что оба покатались по земле.

Солдаты, подбежавшие, чтобы остановить драку, оглушительно расхохотались, глядя, как мужчины в желтых шапочках барахтаются в грязи. Смех солдат подхватили торговки, оперев руки в бока. Их тела колыхались от хохота. Смеялся вельможа, смеялись мавры с кривыми саблями, смеялись албанцы, переставшие жонглировать яркими шарами, смеялись испанские солдаты, так и не замедлившие шаг, но постоянно оглядывавшиеся, чтобы не пропустить это представление. И даже книгочеи смеялись, нацепив очки.

— Убей их! — завопил мальчишка, раззадоривая юродивого. Про козу и камешки он и думать забыл.

— Давай, покажи им! — хохотали каторжане. — Надавай им пинков под зад.

И тогда юродивый с силой ударил юношу в желтой шапочке ногой в живот. Тот как раз помогал Шимону подняться. Застонав, он повернулся к собрату и отчаянно прошептал:

— Бегите, прошу вас!